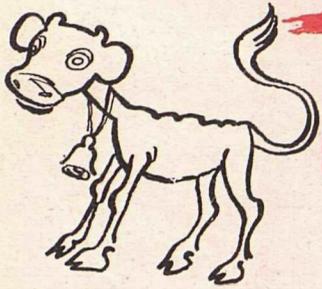

Новатор Петров и его опекуны.

Рисунок К. РОТОВА.

КРОКОДИЛ

Про БЕЛОГО БЫЧКА

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

По лугам Сары-Арка бродил колхозный бычок, весь беленький, только на лбу рыжая звёздочка. Бродил, резвился, а тем временем надвигалась на него беда. Председатель колхоза вызвал зоотехника и приказал:

— Вы мне того бычка, что с рыжей звёздочкой, запишите в нагульный гурт, предназначенный для мясоставок. Надо скорее сводку в район послать. Может, за него ещё премию получим.

А в тот самый день, когда белого бычка записывали в нагульный гурт, в далёкой Алма-Ате министр промышленности мясных и молочных продуктов Казахской ССР А. Д. Гарагаш вызвал двух своих ближайших помощников — заместителя управляющего казахской республиканской конторой «Заготскот» тов. Каржаубаева и начальника «Главмяса» тов. Чухлова — и строго сказал:

— В нагульном гурте в далёкой Сары-Арка пасётся белый бычок с рыжей звёздочкой на лбу. Вы, товарищ Каржаубаев, этого бычка должны заготовить, а вы, тов. Чухлов, переработать. Лучше бы на семипалатинском мясокомбинате. Ничего, что далеко придётся идти белому бычку!

Получив командировочные, проездные и другие причитающиеся им суммы, к председателю колхоза приехали заготовители и сказали:

— Отдайте нам белого бычка, мы его заготовим и переработаем.

Председатель ответил:

— Раньше октября не получите. Этот бычок у меня в сводку на первое октября записан. Я за него, может, премию получу.

Заготовители пытались было намекнуть, что бычок сейчас в теле и пройдёт по высшей кондиции. И колхозу хорошо, и государство не в начёте.

Председатель стоял на своём:

— Ждите первого октября! Раньше не могу, а то премии лишусь за пополнение поголовья.

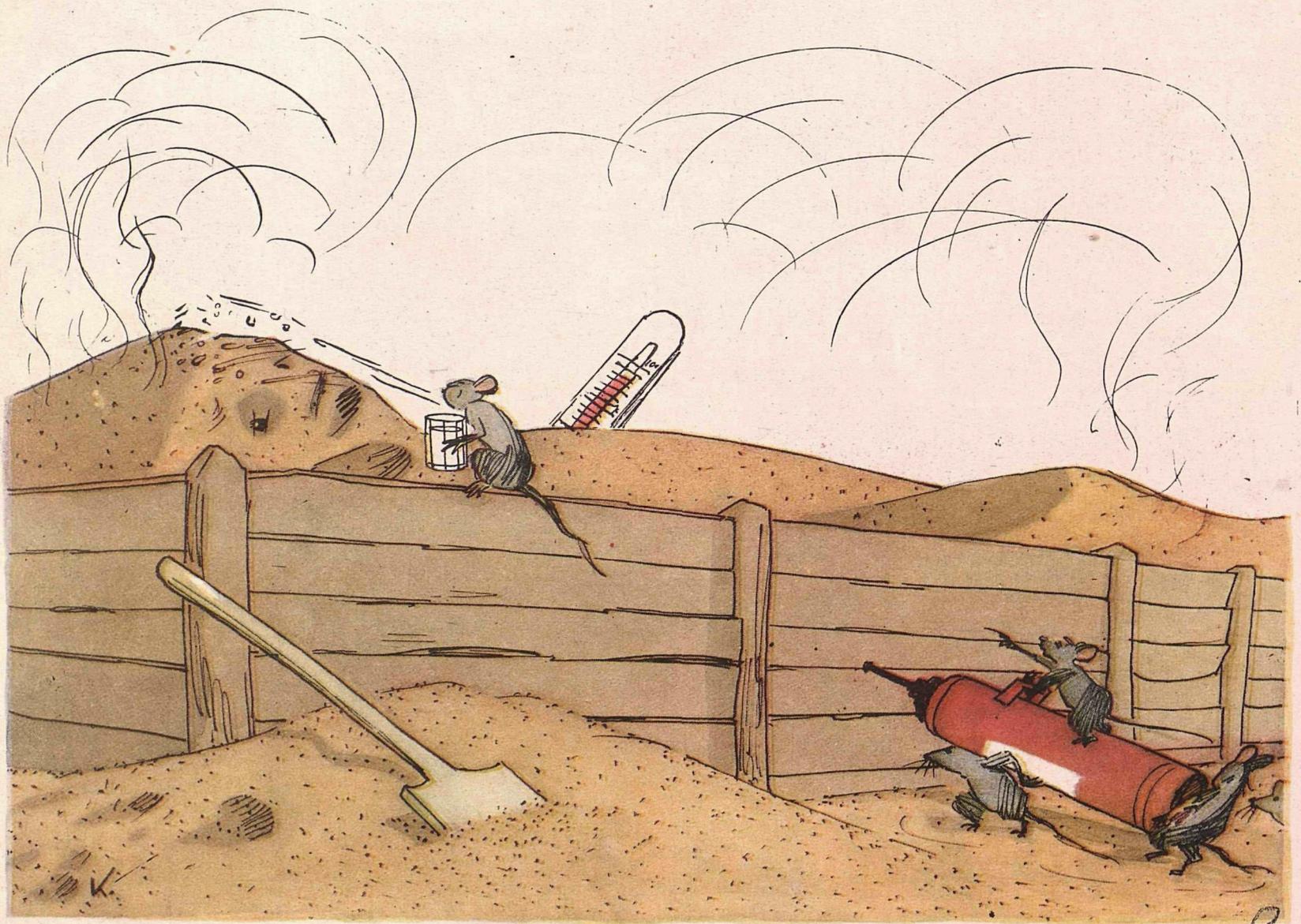
Заготовители сели и стали ждать. Рабочие на мясокомбинатах тоже сели и тоже стали ждать.

Второго октября белого бычка заготовили, о чём в тот же день доложили в Алма-Ату министру.

Белого бычка вместе с десятками тысяч его рогатых сверстников погнали из самого отдалённого района Павлодарской области в Семипалатинск. Гнали сначала по левому берегу Иртыша, потом пере-

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Кое-где в зернохранилищах засыпают хлеб с повышенной влажностью, что ведёт к его порче.

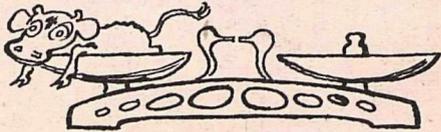
— Помогите! Я весь горю...

вели на правый. Когда гурты прошли километров триста, заготовители решили, что на левом берегу всё же лучше, и вновь переправились через реку. Наконец гурты подошли к воротам Семипалатинского мясокомбината, и там началась жаркая битва между гуртовщиками семи областей за очередь первыми сдавать скот. На площадках комбината без воды и корма стояло, а вернее, лежало шестьсот тысяч овец и семьдесят пять тысяч голов крупного рогатого скота.

Белого бычка, сквозь кожу которого просвечивали кости, положили на весы. И тут оказалось, что он вместе со своими друзьями по несчастью, заготовленными в Павлодарской области, по дороге из Павлодара в Семипалатинск потерял в весе. Совсем немного, сущие пустяки. Если перевести на деньги, эта потеря обошлась всего-навсего в 7 миллионов 559 тысяч рублей. Пришлось составлять акт и посылать в Алма-Ату. Очутившись на столе у министра, акт вызвал весьма странную реакцию. Тов. Гарагаш усмехнулся и произнёс:

— Эка невидаль! Везде теряем и терять будем. Скотопрогонные трассы виноваты...

Министр выразился не совсем точно: скотопрогонных трасс-то не было и нет. Вот уже пять лет Совет Министров республики никак не может решить сложный вопрос о дорогах, по которым нужно перегонять скот. И идут гурты и отары по бескрайним степным просторам. Из Улу-Тау в Караганду, за семьсот километров, по пустыне, где ни травинки, ни капли воды, месяцами бредут гуртоправы и чабаны, доставляя заготовленный скот. Из Зайсана в Семипалатинск гурты и отары добираются за два—три месяца.

ПОД МЕРНЫЙ СТУК КОЛЁС...

Из конца в конец республики мчатся эшелоны с белыми бычками, которых нужно переработать. И переработать срочно, а то они, чего доброго, богу душу отдадут...

От станции Арысь (Казахская ССР) до Ташкента (Узбекская ССР), где расположен мощный мясокомбинат, работающий, кстати, далеко не с полной нагрузкой, всего 120 километров. А до Семипалатинска — 1843 километра — в пятнадцать раз дальше! Но Ташкентский комбинат принадлежит «Узбекглавмясу», а Семипалатинский комбинат — «Казглавмясу». И вот рассудку вопреки, арифметике наперекор из Арыси в Семипалатинск мчатся эшелоны. Под мерный стук колёс растёт себестоимость мяса и худеет на глазах белый бычок с рыжей звёздочкой на лбу.

Но в республиканском Министерстве мясной и молочной промышленности подобный факт никого не взволновал. Здесь это считают вполне нормальным:

— Помилуйте! Как же иначе! Не можем же мы отдавать заготовленное у нас мясо Узбекистану! Они ещё, чего доброго, за наш счёт план выполняют! И премию получают...

Закупленный в Тургае скот издавна доставлялся в Орск на мясокомбинат. «Доколе будем мы поступаться своей славой?! — воскликнули однажды руководители республиканского министерства и командовали: — Изменить маршрут!» Отныне белому бычку предопределён другой путь: через каменистую пустыню, на своих четырех в Караганду. Хотя от Тургая до Караганды в три раза дальше, чем до Орска. А вот заготовленных в Кустанайской области белых бычков везут по железной дороге, минуя крупнейшие в стране Троицкий и Челябинский мясокомбинаты («Они не свои, а чужие!»), в Петропавловск с тем, чтобы переработать и отправить в Троицк и Челябинск...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Короче говоря, итоги 1955 года, о которых мы рассказывали, были неутешительными: потери скота в живом весе по всему Казахстану составили 157 тысяч центнеров, чистый убыток — 90,8 миллиона рублей.

Пословица говорит: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Нам скажут: «Зачем вспоминать прошлогоднюю историю?» А вот зачем. В нынешнем году казахстанские мясокомбинаты, по существу, стояли девять месяцев — ждали, когда наступит первое октября и колхозы и совхозы отчитаются в выполнении плана развития животноводства и начнут сдавать скот. Прошло это роковое число, и за двадцать дней республика выполнила четверть годового плана заготовок мяса. У ворот мясокомбинатов в Семипалатинске, Петропавловске, Караганде, Уральске без корма и воды стоят, а точнее, лежат десятки тысяч голов скота, теряя вес и упитанность.

Сказка про белого бычка продолжается...

г. Алма-Ата.

Н. ЗВЕРЕВ

ПРОДАВЕЦ:— Зачем тебе тёплые вещи!
КУКУРУЗА:— Да у нас в колхозе такие хозяева, что, может быть, в поле зимовать придётся.

О чём шумит пшеница?

Не знаем даже, как назвать эту историю. Фактический анекдот? Анекдотический факт? Впрочем, решайте сами...

Дело было так. Железнодорожники станции Сарапул, Казанской дороги, передали на пристань Сарапул двенадцать вагонов пшеницы.

— Пожалуйста! Вот она, голубушка, целинная! С Омской дороги прикатила.

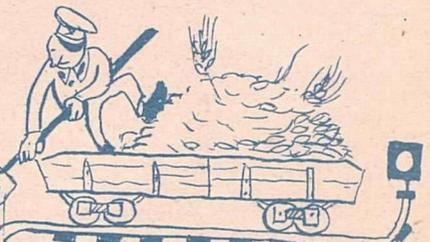
Водники приняли дорогую гостью с подобающим уважением. В тот же день пшеница была перегружена на баржу и отправлена по месту назначения — на пристань Сейма, на мелькомбинат.

Прошло несколько дней. И железнодорожники снова объявили:

— Пожалуйста! Принимайте целинную пшеничку.

— Очень приятно, — обрадовались водники. — Новая партия?

— Да нет, — отвечают уныло. — Та же самая! Не доехала до мелькомбината. Какие-то разгильдяи в Горьком перевалили её с

баржи в вагоны и обратно к нам заслали.

Что тут будешь делать! Опять выгрузка, погрузка, и «заблудившаяся» пшеница вторично отправилась к месту назначения на теплоходе «Чувашия».

Вы думаете, что этим дело кончилось? Как бы не так! Ещё через несколько дней потрясённые сарапульские железнодорожники перелистывали пачку знакомых документов, на которых уже не было живого места от разных штемпелей и печатей: четыре вагона с той же злополучной пшеницей снова «запутались» и прибыли обратно в Сарапул!

В общем, «шумит, шумит пшеница золотая». О чём она шумит? В данный момент, очевидно, о том, что на транспорте ещё имеются такие удивительные головотяпы...

Е. БЕРЕГОВОЙ,
начальник пристани Сарапул.

МОЯ автобиография

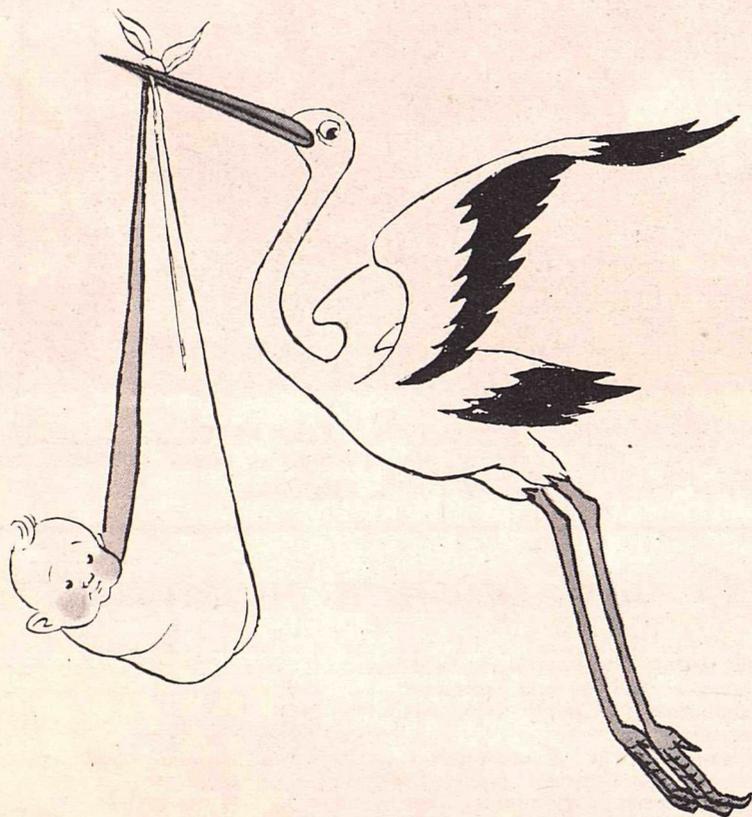
Теперь я уже твёрдо знаю, что я родился. Но когда я появился на белый свет и даже несколько лет спустя, мать уверяла, что меня нашли в капусте на огороде. А тётка говорила, что меня принёс аист, принёс в клюве, до хаты не донёс, выронил из клюва и я упал в телячьи ясли, где меня будто и нашли. Бабушка же, наоборот, доказывала, что меня вытащили из колодца, когда поили корову Оришку.

А когда я спрашивал отца:

— Тату, откуда я взялся?

— Вырастешь, сам узнаешь, откуда взялся! Иди лучше в чурки играть! Не мешай мне!

Родился я в ночь с 31 октября на 1 ноября (старого стиля) 1889 года в местечке Груни Зеньковского уезда, на Полтавщине. Теперь это Грунский район, Сумской области.

Собственно, событие это произошло не в самом местечке Груни, а на хуторе Чечве, близ Груней, в помещичьем имении, где мой отец работал у панов.

Условия для моего развития были вполне подходящие. Подо мною колыбель на верёвочках, а я в колыбели, а надо мною мама. Немного посишь, немного мама накормит, губами почмокаешь — и растёшь себе помаленьку.

Так оно, значит, и пошло: ешь — растёшь, а потом растёшь — ешь!

Родители мои были, как обычно все родители: отец мужского пола, мать женского. У отца и у матери тоже были родители.

Отцов отец (мой дед) был в Лебедине сапожником, мамин отец (тоже мой дед) был в Грунях хлеборобом.

А вообще мои родители были хорошие люди. Чтобы мне не очень скучно было расти, они обзавелись для меня семнадцатью братишками и сестрёнками. Так мы вместе и росли. Выросло только пять братишек и восемь сестрёнок. Воспитывались сообща и мальчики и девочки, как и теперь в советских школах, — совместное обучение.

Стал я, значит, расти...

Как?

«Моя автобиография» написана недавно умершим писателем Остапом Вишней для выходящего в Детгизе сборника «Послушайте старика».

Как и все растут: ел хлеб, борщ, кашу, галушки, вареники, печёную картошку, зелёные дички, лопузки¹, свербигуз², черёмуху, от которой язык превращался в напильник; вишни — пузо от них становилось красным, ягоды бузины, от которых и лицо, и язык, и голова, и руки, и рубашка были синие-синие, как куриный пуп.

Играл, как и все, в чурки, в мяч, в кегли, в свинки, гонял по-котьюло³, прыгал через перелазы, зимою скользил по льду и спускался на салазках. Бегал наперегонки. Тогда ещё стометровок не было, а называлось это так:

— А ну, от груши до соломы! Тю! — и побежали.

«Тю!» — это теперешний выстрел судьи на старте.

Как видите, я рос и делал всё то, что в будущем мне пригодилось, как писателю.

— Будет писать! — сказал как-то отец, когда я, сидя на полу, размазывал рукою лужу.

Что имел в виду отец под словами «будет писать», трудно было мне угадать. Возможно, он мечтал о том, что его сын будет работать писарчуком в волостном правлении или будет записывать в церкви попу «в грамотку» — «во здравие» и «за упокой», — а возможно, в нём реяла более далёкая мечта о том, что его сын будет писателем не меньше, чем земляк Николай Васильевич Гоголь!

Разве угадаешь?

Оправдалось, как видите, отцовское пророчество: пишу, хоть далеко не так, как Н. В. Гоголь...

Но, ой, как много прошло времени, пока отцовское предсказание воплотилось в жизнь!

Писатель не так живёт и не так растёт, оказывается, как обыкновенный человек. Что — обыкновенный человек? Живёт, проживёт, помрёт... Да и всё!

А писатель — нет. О писателе обязательно подай: что повлияло на его мировоззрение, что его окружало, что его организовало, когда он лежал у матери на руках и не думал совсем о том, что когда-нибудь придётся писать свою автобиографию.

А вот теперь сиди и думай: что на тебя повлияло и ты стал писателем, какая лёгкая тебя в литературу понесла, когда ты стал задумываться над тем, «куда дырка девается, когда бублик едят»?

¹ Лопузок — молодой мягкий стебель растения, употребляемый в пищу.

² Свербигуз — дикая редька.

³ Покотьюло — детская игрушка, деревянный кружок.

И вот вспоминаешь свою жизнь и приходишь к выводу, что с будущим писателем на самом деле происходят какие-то необычайные явления, не такие, как со всеми, и если бы таких явлений не было, не становился бы человек писателем, а был бы порядочным врачом, инженером, механизатором, дояркой или просто толковым кооператором.

Нападут на тебя эти явления — и пошёл человек писать.

Главную роль в формировании будущего писателя играет природа, а в формировании украинского писателя — ещё и ночь, луна, «верба рясна», стреха, картофель, конопля, бурьяны...

Если у мальчика или у девочки есть склонность к задумчивости, а вокруг растёт картофель, или бурьян, или конопля, — амба! Так и знайте: из ребёнка вырастет писатель.

Так было и со мною.

За хатой недалеко — картофель, на грядке — конопля. Сядешь себе: ветер веет, солнце греет, картофель навеивает мысли о поэтических образах, о вселенной, о космосе...

И всё думаешь, думаешь, думаешь...

Пока мать не крикнет:

— Пойди-ка, Мелашка, погляди, не заснул ли Павло там, часом, в картошке. Да остороженько, не напугай, чтобы не пришлось откачивать...

Так оно и пошло. Начал задумываться. Сидишь и колупаешь перед собой ямку: всё тебя вглубь влечёт.

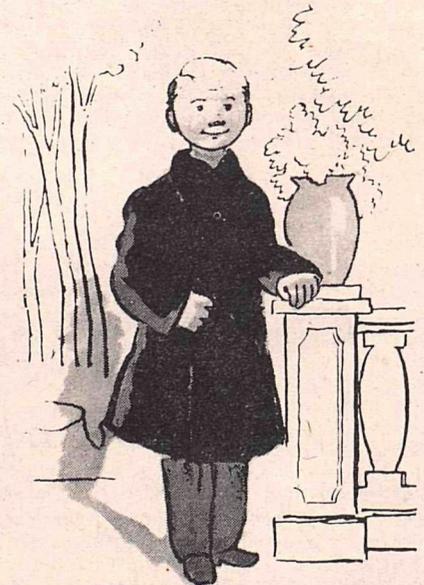
А мать, бывало, ругается:

— Что за напасти, кто картофель весь перерыл? Ну вот уж, как попадешься!..

А то влечёт тебя вверх...

Тогда лезешь в клуню на балку воробьёв гонять или на вербу за галчатами.

Характер у меня был очень впечатлительный, нервный: стоит отцу показать ремень или кнут-восьмерик — моментально под кровать и дрожу.

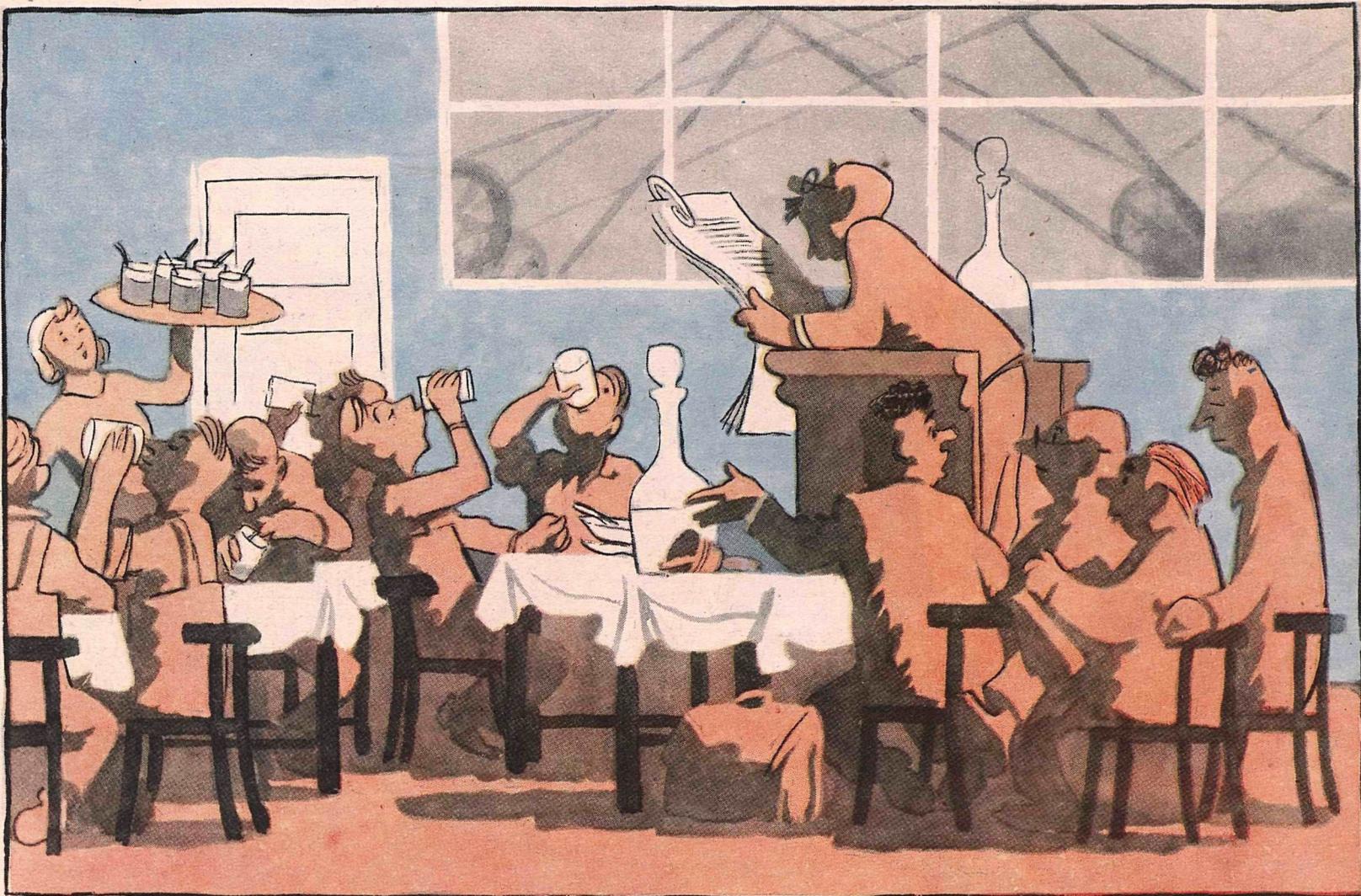

Рисунки Бориса ЛЕО.

— Я тебе покажу балку! Я тебе покажу галчат! Если бы хоть сразу убился, это ещё ничего, а то ведь покалечишься, чёртов сын!

А я лежу под кроватью, трепещу, носом шмыгаю и думаю печально:

«Господи! Чего только не приходится переживать из-за той литературы!»

— Не активный у нас народ: сидят как воды в рот набрали...

Вот так между природой, с одной стороны, и людьми — с другой, и промелькнули первые годы моего детства золотого.

Потом отдали меня в школу.

Школа была четырёхклассная, и не прощая, а Министерства народного просвещения. Обучали меня хорошие учителя: Иван Максимович — доброй души старикан, белый-белый, как бывают белыми у нас перед весенними праздниками хаты, — и учительница Мария Андреевна — старенькая-престаренькая. Она, бывало, всё в тёплый платок куталась и в жёлтый кулачок кашляла... Кашляет, поглядит на нас, а из глаз её лучи, такие ясные-ясные и ласковые-ласковые, и те лучи так вас укутывают, так тепло-тепло лелеют, будто смотрит на вас родная ваша мама с ясным, горячим солнышком в глазах. Учили они меня добросовестно, так как сами они были ходячей совестью людской. Любил я их, любил даже и линейку Ивана Максимовича, которая ходила иногда по нашим рукам, школярским, испачканным. Ходила потому, что такая тогда «система» была, но ходила она, когда я того заслуживал, и никогда не ходила больно.

Где теперь та линейка, что выработала у меня стиль литературный? А писал ли бы я вообще, если бы не было старенького Ивана Максимовича и тихой Марии Андреевны?

В это самое время начала формироваться и моя классовая сознательность. Я уже знал, что вот это помещики и господа, а это не помещики и не господа. Частенько, бывало, отец, посылая меня с чем-нибудь к барыне в горницу, наказывал:

— Как войдёшь, то сразу поцелуй барыню ручку!

«Важная, — думал про себя, — значит, барыня персона, если её ручку целовать надо».

Каким-то неясным было тогда у меня классовое сознание. С одной стороны, целовал барыню ручку, а с другой стороны, как накричит, бывало, за что-нибудь барыня, ногами затопает, я залезу под господскую веранду и шепчу:

— погоди, эксплуататорша! Придёт Октябрьская революция, я тебе покажу, как триста лет из нас кровь пили! — И т. д., и т. п.

Отдали меня в школу рано. Не было, должно быть, мне и семи лет. Проучился я там четыре года, окончил школу.

А отец и говорит:

— Мало ещё ты учился! Повезу ещё в Зеньков, уездный город, поучись ещё там. Посмотрим, что из тебя выйдет.

Зеньковскую школу я окончил в 1903 году со свидетельством, что имею право быть почтово-телеграфным чиновником какого-то очень высокого (чуть ли не четырнадцатого) разряда. Да куда же мне в эти чиновники, когда «мне только тринадцать минуло»!

Приехал я домой.

— Рано ты, — говорит отец, — закончил науку. Куда же тебе, если ты ещё такой маленький? Придётся ещё учиться, а у меня и без тебя уже двенадцать.

И повезла меня мать в самый Киев, в военно-фельдшерскую школу, поскольку отец, как бывший солдат, имел право учить детей в той школе на «казённый кошт».

Закончил я школу и сделался фельдшером.

А потом всё учился, учился, учился, чтобы экстерном сдать экзамен на аттестат зрелости и поступать в университет.

Удалось мне это сделать, когда мне было уже под тридцать лет.

Вот как добывалось когда-то образование! А теперь наша молодёжь в двадцать три

года уже заканчивает высшую школу, они уже врачи, инженеры, агрономы, педагоги, председатели колхозов и т. д.

Вот что значит Советская власть!

Писать я начал, когда мне было уже тридцать лет с гаком. Начал с фельетонов. Было это в 1919 году.

С того времени пишу и пишу...

Так что же, спрашиваете вы, необходимо для того, чтобы стать писателем?

1. Хорошо учиться. На «отлично». Чтобы знать, где надо писать одно «н», где два «н», где нужен «ь», а где он не нужен, где ставится запятая, где точка, где тире, где «не» пишется вместе, а где отдельно.

2. Надо больше читать, чем писать.

3. Не надо писать так, как писали А. С. Пушкин, Тарас Шевченко, А. П. Чехов, Иван Франко, Владимир Маяковский, и т. д., и т. п. У классиков и у всех хороших писателей надо учиться, а писать надо по-своему, чтобы читатели говорили:

— Глядите! Написал не Александр Сергеевич Пушкин, а Сергей Александрович Мушкин, а между тем тоже талантливо! Да здравствует Мушкин!

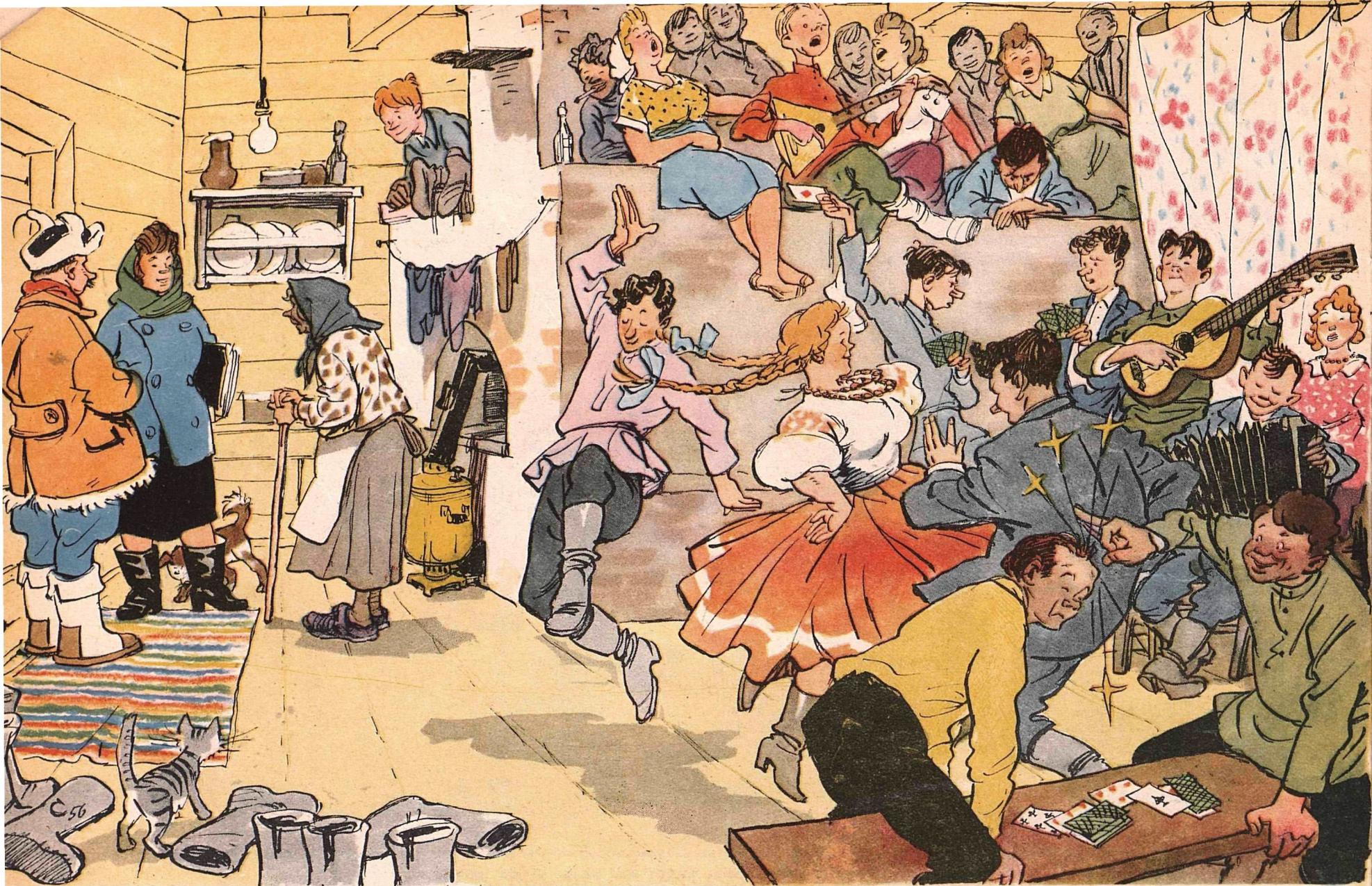
4. Антон Павлович говорил, что основное в работе писателя не писать, а зачёркивать написанное. Очень ценный совет!

5. Необходим ли для писателя талант? Да, необходим. Но что такое талант? Чудесный, талантливый и «очень смешной» еврейский писатель Шолом-Алейхем говорил: «Талант это такая штука, если она есть, так она есть, а если её нет, так её нет!»

Великий писатель Максим Горький о таланте сказал так: «Талант — это труд, работа!»

...Давайте, дорогие товарищи, учиться и работать!

Перевёл с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

НА ПОСИДЕЛКАХ

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

— Бабуся, поделилась бы опытом, как ты работаешь с молодёжью.
Что-то к нам в клуб никто не идёт!!

У нашего универмага стандартных цен, существующего под заманчивым названием «Грош цена», сегодня собралась немалая очередь. В ней нет людей, желающих купить выставленные товары. Все хотят отдать на позор и осмеяние ещё один образец брака, цена которому — ломаный грош.

Итак, начинаем. Граждане, не толпитесь у входа! Простите, товарищ Логинов, вы из Риги? Да? Проходите без очереди. Что? Почему без очереди? Так ведь это же директор Рижской швейной фабрики! Не знаете, чем знаменит? Тогда придётся рассказать.

Н. В. Иванова, проживающая в Ижевске, не желая мокнуть под дождём, купила синий крепдешинный прорезиненный плащ. Легковерная! Она и не подозревала, что это продукция Рижской швейной фабрики Управления местной промышленности.

Дождь прошёл через час, а плащ высох к вечеру. На тротуарах стало чисто и сухо, а на плаще — увы! — появились неистребимые белые пятна и полосы.

«Мне случайно попал брак!» — подумала оптимистка Н. В. Иванова и написала письмо в Ригу на фабрику.

Через какой-нибудь месяц пришёл ответ. Нет, не письмо с извинением и обещанием выслать добротный плащ вместо негодного оказалось в конверте, а... напечатанная двадцатитысячным (!!) тиражом листовка «Условия химической чистки прорезиненного крепдешина» с добрыми советами, как счищать с плаща «сажисто-пыльные загрязнения». А вот что делать с рижским прорезиненным плащом, если на него, не дай бог, попадут капли дождя, — об этом директор фабрики тов. Логинов умол-

чал. Так что пропустите его без очереди. Пусть в наказание досыта налюбуется на свою запятнанную продукцию.

А вот ещё образец брака. И откуда бы вы думали? С целинных земель. Бакинский завод имени Сардарова послал на целину в зерносовхоз «Степной», Северо-Казахстанской области, зернопогрузчики. Пять часов проработали эти механизмы, но... вскоре детали под названием «шкребки», сделанные не из кожи, а почему-то из бумаги, размочалились, и зернопогрузчики вышли из строя.

«Стыд!» — пишет нам главный агроном совхоза тов. Ф. Рыбаков. — Новую машину приходится переделывать на месте.

А не кажется ли вам, товарищи из Баку, что подмочены не только «шкребки», а и репутация вашего завода? Во всяком случае,

убедительно просим вас сообщить, как долго нам держать ваш зернопогрузчик. Сами понимаете, в нашем универмаге тесновато.

Дождя, как выяснилось, иногда боятся даже резиновые сапоги. По крайней мере, сия «непромокаемая» обувь, купленная культработником Т. Голубевой из села Молодой Туд, Калининской области, через три недели распалась на свои составные части. Бренные остатки подошвы сохранили в неприкосновенности марку:

«Московский промкомбинат «Рыболов-спортсмен».

Теперь ясно, почему так легко попались покупатели на приманку в виде внешне приличных сапог. Ловит-то кто? Специалисты «рыболовы».

Бракованные плащи и сапоги доставлялись потребителю ящиками. Зернопогрузчики, так сказать, натуры более широкие. Но всё же рекорд побили на Новосибирском радиозаводе. В августе они направили на торгово-заготовительную базу в Хасанский район, Приморского края, целый вагон детских велосипедов, среди которых не нашлось ни одного годного.

Вагон брака! Раньше это была поговорка, заменявшая обычно не столь образное выражение «много брака». Отныне эта поговорка уже потеряла характер преувеличения. Трудно поместить в универмаге целый вагон, но трудности нас не испугают. Как-нибудь втиснем и новосибирский вагончик. Опозорились, так занимайте своё место, бракоделы с радиозавода!

Приём вещей в универмаг «Грош цена» на сегодня закончен. До новой встречи, товарищи поставщики!

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Секретарю партбюро Третьего московского автобусного парка
А. М. ГУРЬЕВУ

Здравствуйте, Андрей Максимович! Давайте потолкуем начистоту. Вот вам не нравится напечатанная мною в номере двадцать третьем заметка моего младшего брата — «Крокодила» автобусного парка. Вы советуете мне дать задний ход и напечатать ваше опровержение. Извольте, вот оно:

«...Коллегиальность заметки отрицается, в чём признаётся сам автор письма тов. Бобков, чей плод вымысла был опубликован в журнале».

Только вот какая заковыка: передо мной сидят вместе с редактором тов. Бобковым все члены редколлегии и в один голос заявляют: — Писали вместе! И лично подписывали! И вновь всё — от первого до последнего слова — подтверждаем. И хотим ещё кое-что добавить... Как же нам с вами теперь быть? Ведь вы настаиваете на том, что «угрозы со стороны директора тов. Виноградова в адрес сатирической стенгазеты «Крокодил» не имело места».

А строптивая редколлегия утверждает, что критика глушится по-прежнему и помощь Виноградову в этой неблагоприятной деятельности пришла... знаете откуда?

Когда в парке получен был номер журнала с заметкой моего родича, ваша заместительница тов. Кашкина начала вызывать к себе членов редколлегии и внушать:

— Да вы знаете ли, что такое «Крокодил»? Там только про никому-дышных людей пишут. А вы туда же про нашего уважаемого директора! Про самого Дмитрия Васильевича! Да понимаете ли вы, куда таким путём докатиться можно?! Если, конечно, не затормозить...

Однако вызванные требуемого понимания не проявили и тормозить не собирались. И, видимо, в связи с тем, что конфликт не приобрёл милой иным автомобилистам обтекаемой формы, очередной номер сатирической стенной газеты вскоре, незаметно покинув стену, скрылся в неизвестном направлении...

Прошло ещё некоторое время — и редактор, он же мастер цеха, тов. Бобков вызван был телефонным звонком в кабинет директора «на комиссию по пересмотру норм». Пришёл — и ему говорят: никакой комиссии нет, а заседает партийное бюро. «Только что за чудо, — дивится редактор, — руководит заседанием неизвестно почему директор!» Вы же, секретарь партбюро, приказали запереть дверь на ключ и, сразу взяв разгон, приступили к допросу:

— Сознайся, Бобков, лучше будет! Ты ведь отказываешься теперь от этой заметки? Ведь ничего такого не было, и редколлегия так не писала!..

А поскольку ни Бобков, ни вызванные по его настоянию другие члены редколлегии с такой постановкой вопроса не согласились, вы сами всё решили:

— Факты в заметке не подтвердились. Дмитрий Васильевич во всём прав. Окончательное решение будет подработано и доведено до сведения...

И вот я получил ваше опровержение. И, как видите, его обнародовал. Мне остаётся только от всей души пожелать, чтобы в Третьем автобусном парке критике и самокритике открыта была зелёная улица, а вы лично не передавали бы своих водительских прав в другие руки. Даже в руки самого директора.

Примите и прочее...

Крокодил

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Самый лёгкий способ приобрести шапку.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— А для чего сторожа держите, если дров нет!
— Чтобы забор не растащили.

- Галочку можно видеть!
- Она после школы отдыхает.
- Давно!
- Второй год...

СОБАЧЬЯ ПРОБЛЕМА

На улицах столицы Дагестана Махачкалы много бродячих собак. Ужасно много! Алчно щёлкая зубами, они стаями пронесаются мимо оторопевших граждан, прижимающихся к стенам домов.

— Безобразие! — возмущаются махачкалинцы. — Житья от собак не стало.

— Не будем вдаваться в панику, — успокаивают земляков сотрудники горисполкома, — собачки и иная бродячая тварь действительно в прошлом мешали всем жить. Поняли? В прошлом! Но в мае сего, 1956 года мы решением за № 146 обязали заведующего бюро очистки города товарища Бормана организовать поголовное вылавливание бродячих собак и кошек. Чего же вы ещё хотите?!

Немногого: жители хотят, чтобы решение это выполнялось. А пока бродячих собак на улицах Махачкалы день ото дня становится всё больше. То ли характер у товарища Бормана мягкий, не поднимаются у него руки на живую тварь, то ли ещё что, только в данном случае махачкалинцы протестуют против евангельской установки: блажен муж, иже и скоты милует!..

К ВОПРОСУ О СЛАВЕ

Не правда ли, лестно, развернув поутру газету, найти свою фамилию в окружении самых приятных слов? Шутка ли, теперь о твоих личных заслугах известно всем и каждому... Вот, пожалуйста:

«Колхозы Грязовецкого района досрочно выполнили государственный план хлебозаготовок.»

Работники сельского хозяйства Грязовецкого района (первый секретарь райкома партии — А. И. Папин, председатель райисполкома — А. А. Девятков) досрочно выполнили государственный план хлебозаготовок на 100,6 процента.

Это приятное сообщение напечатано крупным шрифтом на почётном месте — у самого

заголовка грязовецкой районной газеты. И не мудрено: событие действительно выдающееся — в районе 46 колхозов, а весь план хлебозаготовок вынесли на своих плечах два работника сельского хозяйства: товарищи Папин и Девятков.

Вероятно, именно поэтому редактор газеты товарищ Округин запомнил фамилии скромных тружеников полей и публично засвидетельствовал почтение непосредственно начальству...

ЧЕМУ ВЕРИТЬ!

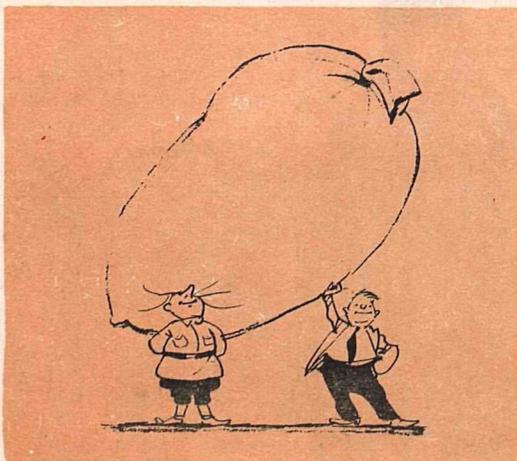
В № 9 журнала «Молодой колхозник» появилась репродукция картины А. Ржевской «Весёлая минутка». Репродукция сопровождается небольшой рецензией кандидата искусствоведческих наук М. Черейской. И автор рецензии, между прочим, авторитетно заявляет, что художник в своей картине изобразил на стене, над верстаком, готовые оконные рамы.

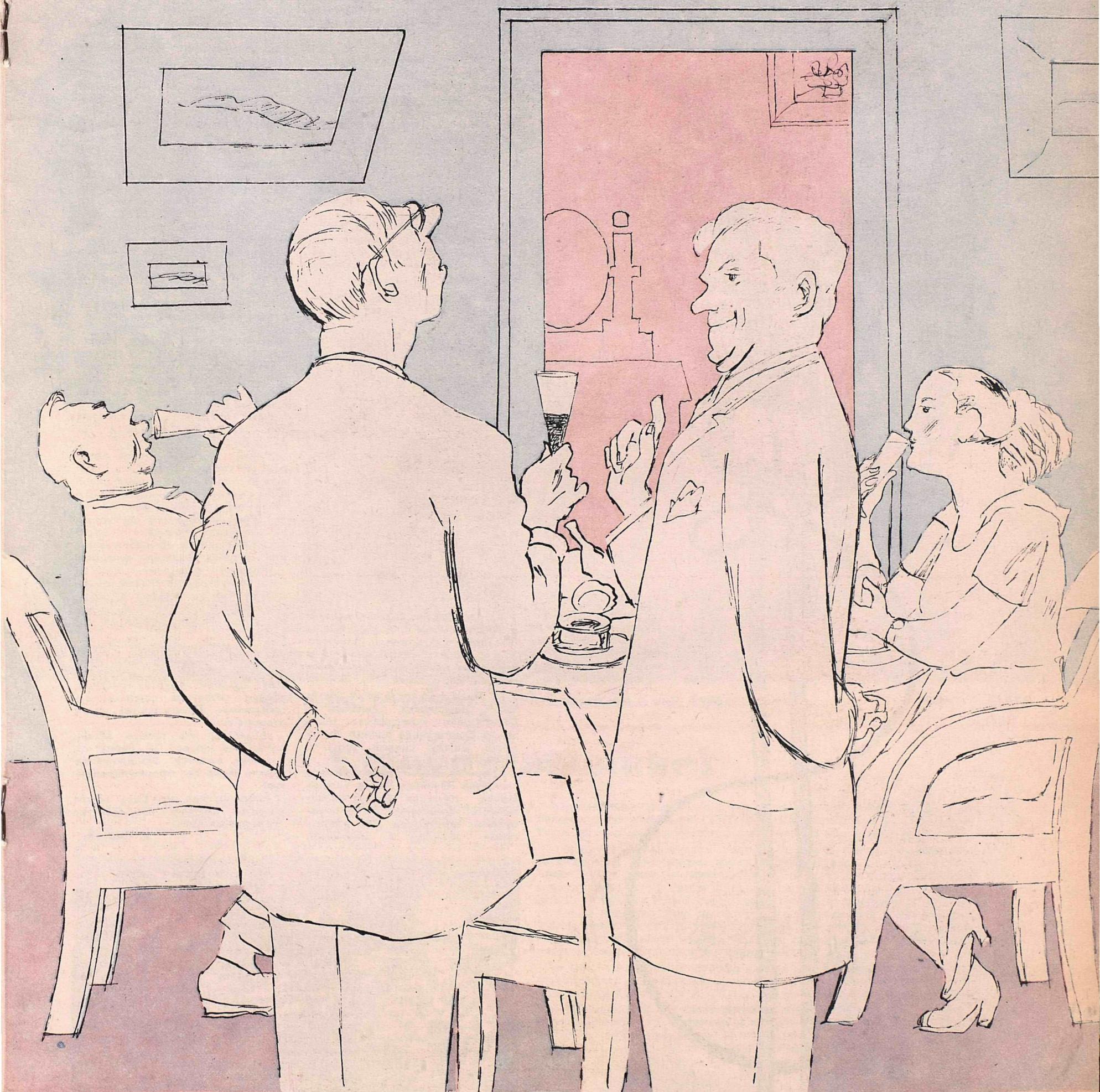
Это повергло в глубокое изумление вдумчивых читателей. Они вглядываются в репродукцию картины и не знают, чему верить: собственным глазам или откровению М. Черейской. Ибо художник очень натурально изобразил над верстаком отнюдь не оконные рамы, а... самые обыкновенные лучковые пилы.

Один из читателей — редактор омутнинской районной газеты Кировской области тов. Хлыбов — резонно заметил по этому поводу:

— Конечно, нельзя требовать от учёного-искусствоведа, чтобы он разбирался в тонкостях плотницкого искусства. Но, право же, любой дошкольник может отличить пилу от оконной рамы...

Увы! Как видно, вместе с учёным-искусствоведам этого не смогла сделать и редакция «Молодого колхозника».

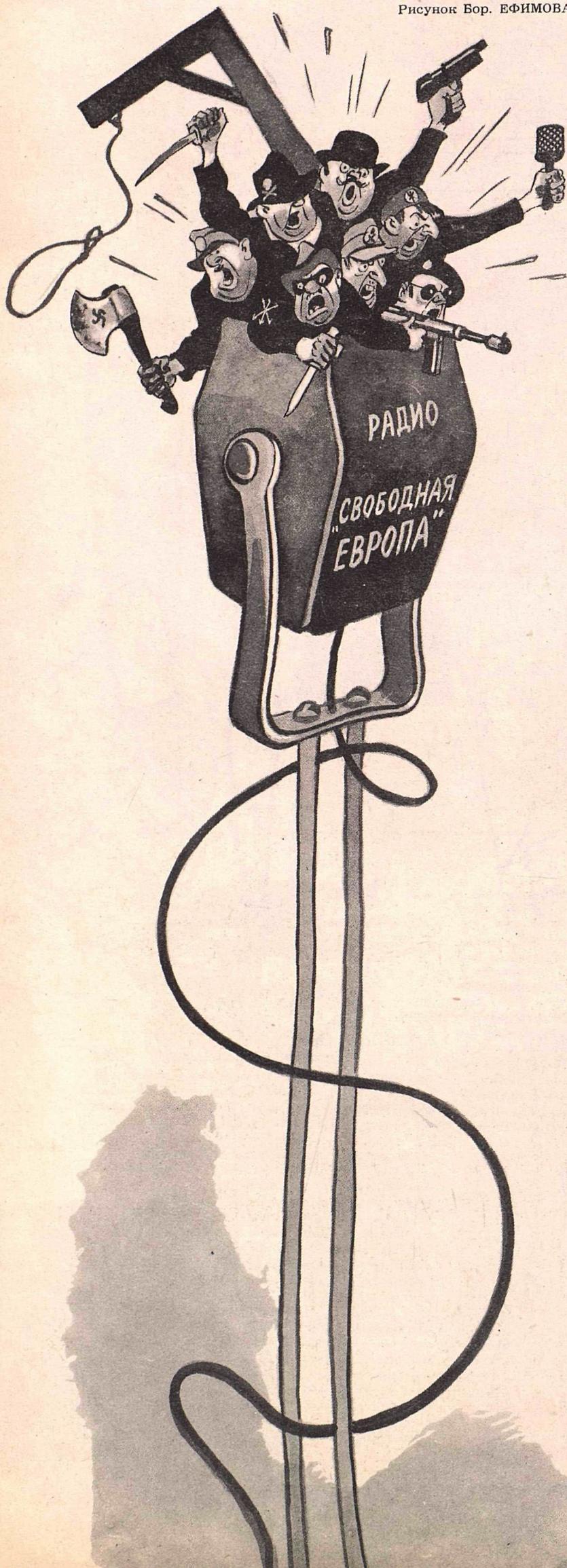

— Как вы думаете, художник Колоритов — формалист или натуралист?
— Скорее всего, канцелярист...

СВИЛИ ГНЕЗДО...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

«БЕЗСТЫДНЫЕ АВИАТОРЫ» И СТЫДЛИВЫЕ КОЛОНИЗАТОРЫ

В первых числах марта 1910 года страницы многих газет мира уделили место сообщениям о незаурядном для того времени событии. Русское «Всемирное обозрение» опубликовало в № 8 следующую заметку:

«Аэропланы в Египте»

Недавно в Гелиополисе, близ Каира, было устроено состязание аэропланов. В первый раз над египетскими пирамидами и золотистыми песками Сахары понеслись летательные машины, представляя собою причудливый контраст по отношению к древним, величественным сооружениям египтян. Казалось, сам древний сфинкс был возмущён дерзостью современного человека, который, сидя на какой-то трещотке, с полнейшим безстыдством освещал попорченную временем физиономию древнего сфинкса.

Заметку сопровождал рисунок, который мы здесь воспроизводим.

За прошедшие бурные десятилетия в технике воздухоплавания был достигнут немалый прогресс. Этого, однако, нельзя сказать о поведении некоторых воздухоплавающих европейцев.

То были великосветские состязания неуклюжих, наивных и безобидных «трещоток». Ныне земля Египта стала ареной состязания между силами мира и войны.

Корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс Уильям Механ, описывая воздухоплавательные упражнения англо-французских агрессоров над египетскими городами и селениями,

бегло, в привычном репортёрском стиле замечает:

«Геликоптеры союзников используются для снайперской стрельбы по людям на улицах; людей обстреливают из пулемётов, установленных на геликоптерах, которые летят на небольшой высоте».

Уильям Механ приводит заявление шведского фотокорреспондента Олафа Андерсона, побывавшего у стен Порт-Саида:

«В городе спустя три дня после бомбардировки всё ещё полыхают пожары. Трупы и конечности торчат из обломков разрушенных зданий. Я насчитал их 2 000, однако командир пожарной бригады города сообщил мне, что их по меньшей мере 7 000».

И после этого парижская газета «Фигаро» застенчиво называет разбойный поход колонизаторов против Египта «маленькой франко-английской экспедицией в зоне Суэцкого канала».

В июне этого года, когда последние войска Соединённого Королевства покидали Египет на транспорте «Эван Джибб», командир английских сапёров, расчувствовавшись и стыдливо обронив прощальную слезу, сказал каирскому корреспонденту агентства Юнайтед Пресс:

«Мои солдаты с сожалением покидают Египет. Мы любим Египет и египтян».

Минуло немногим более четырёх месяцев, и мир увидел истинные пламенные проявления этой любви на улицах Каира, Порт-Саида, Александрии, Исмаилии. На снимке внизу запечатлена египетская деревня Абу Забал после посещения её любвеобильной англо-французской авиацией.

«Каждый египтянин должен быть убит,— просто сказал командир отряда парашютистов, штурмовавшего Порт-Саид.— Египтяне не имеют права на то, чтобы жить».

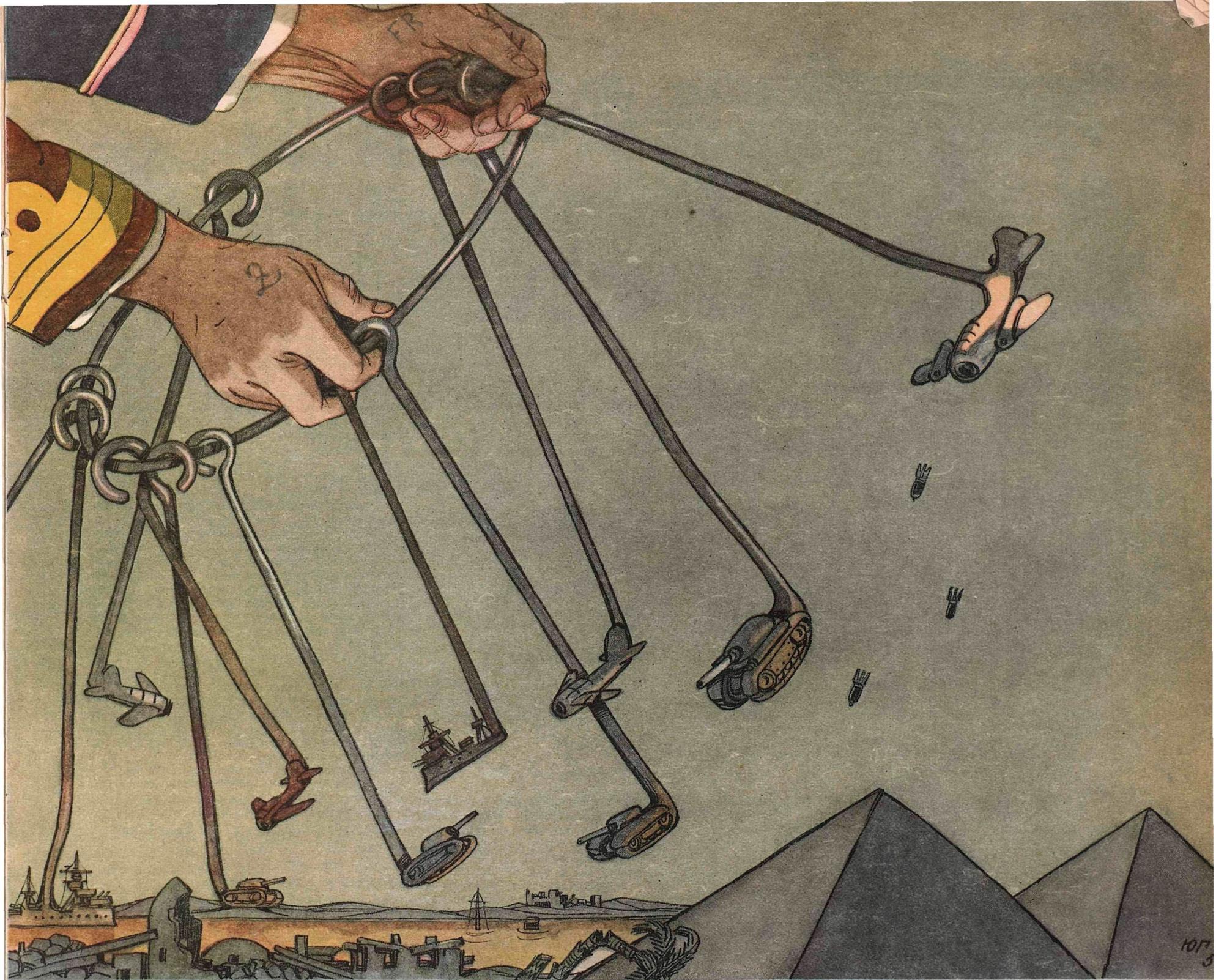
Как-то в прошлом году консерватор Ян Фрээр предложил в палате общин дать министерству колоний другое название, «более созвучное современным событиям». Предложение было отвергнуто.

Думается, что палате общин сейчас не мешало бы вернуться к этому вопросу. Предложение можно было бы сформулировать так:

«Образование на базе министерства колоний министерства агрессивных дел».

А. ВИХРЕВ

Англо-французские отмычки к ключевым позициям в зоне Суэцкого канала.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Адвокат обвиняет

После нюрнбергского процесса над военными преступниками-нацистами Рудольф Гесс — нацист номер два, по номенклатуре международного трибунала, — не отправился на эшафот, подобно Кейтелю, Иодлю, Розенбергу и другим главарям германского фашизма. Он был приговорён к пожизненному заключению.

Комфортабельный четырёхугольник тюремной камеры заменил Гессу многокрасочный и многозвучный мир, о господстве над которым мечтал вкупе со своими сообщниками этот воспалённый фанатик-изувер.

Шли годы, и люди стали забывать Рудольфа Гесса.

Пепел времени падал и падал на его имя, и когда случайно оно всплывало на страницах газет или журналов, многие говорили с удивлением:

— Гесс? Разве его не повесили вместе со всеми?!

И, вспоминая его лицо — жуткую маску смерти с голым черепом и тёмными провалами глубоких глазниц, прибавляли:

— Живуч, однако!

Но Рудольф Гесс, оказывается, не только жив, — он, как явствует из сообщения мюнхенского корреспондента Ассошиэйтед Пресс, полон жажды деятельности. Устами своего адвоката Альфреда Зейдла он недавно потребовал, чтобы его выпустили из тюрьмы.

Юридические мотивы, по которым адвокат Зейдль требует от генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда освобождения Гесса из тюрьмы, не лишены известной логики и смысла.

Адвокат рассуждает так: правящие круги Англии и Франции, развязавшие агрессивную войну против Египта, тем самым превратились в военных преступников. Но если Англия и Франция, говорит дальше в своем письме Дагу Хаммаршельду адвокат Зейдль, виновны в «заговоре о вступлении в агрессивную войну», то есть в преступлении, предусмотренном статьёй 6-А статута международного военного трибунала в Нюрнберге, то какое же право они имели (и имеют) судить военных преступников-нацистов, ком им инкриминируется та же самая статья?

— Или освободите Рудольфа Гесса, — требует адвокат от англо-французских агрессоров, — или садитесь в свободные камеры рядом с камерой Гесса!

Я не знаю, как отнесётся мировая юридическая мысль к этому категорическому требованию адвоката Альфреда Зейдла. Но я лично, не будучи юристом, остаюсь при своём прежнем убеждении: я за то, чтобы Гесса в любом случае из тюрьмы не выпускать.

Леонид ЛЕНЧ

МЕРИ СЕСТРЫ и НЕФТЬ

Публикуемая нами переписка трёх сестёр взята из первоисточников, о которых мы по причинам понятным пока не можем сообщить читателям.

Жанна, Мэри и Лиззи по рождению принадлежат к одному из «двухсот семейств», фактически правящих Францией. Нефть издавна течёт в жилах этого семейства, заменяя ему кровь. Все браки, заключаемые членами семейства,— это браки не по крови, а по нефти.

Лиззи замужем за отпрыском семейства Рокфеллеров. Эдди, ее счастливый супруг,— директор нефтяного треста и член конгресса США.

Мэри — жена лорда Джона, владеющего акциями Суэцкой компании, члена правления Восточно-английской нефтяной компании, издателя большой консервативной газеты.

Жанна, младшая из сестёр, недавно вышла замуж за мсье Анри, директора банка, директора компании «Рафинери франсез», тоже владельца акций Суэцкой компании.

Сёстры очень дружны и поддерживают оживлённую переписку.

Письмо первое Из Парижа в Лондон

Дорогая Мэри!

У нас большие неприятности. Я расстроена. Анри вчера пришёл из своего банка таким, каким я его никогда не видела. У него были красные пятна на лице. Ты знаешь, он никогда не говорит со мной ни о делах, ни о политике. Я спросила, как обстоят дела с постройкой новой яхты, на которой мы предполагали совершить путешествие вокруг света. Он сказал: «К чёрту яхту, к чёрту свет! Мы разорены». Потом он стал ругать какого-то Насера и коммунистов. Я спросила, кто такой Насер. Он впервые грубо заметил мне, что надо читать газеты, но потом извинился и сказал, что Насер ограбил нас и отнял наши акции.

— Его надо арестовать и посадить в тюрьму! — воскликнула я.

— Попробуй,— сказал Анри.— Его не возьмёшь голыми руками.

— Возьмите его вооружёнными руками,— посоветовала я.— Ведь в Алжире мы берём то, что нам нужно. Не понимаю, как это из-за какого-то египетского грубияна мы должны отказаться от яхты! Это нелогично. Прогоните Насера.

— Пока что он прогнал нас,— сострил Анри.— Мы сами бессильны. Если не вмешаются англичане и американцы, наше дело — табак. Напиши своей сестре Мэри, узнай, как смотрит на дело её лорд.

Пишу об этом тебе и Лиззи. Я ничего не понимаю в политике, но нельзя же позволять коммунистам так обижать нас!

Целую тебя и Джона.
Жанна.

Твоя маленькая
Жанна.

Письмо второе Из Лондона в Париж

Милая Жанетта!

Не волнуйся так, моя крошка. Всё обойдётся. Когда я спросила Джона, что это за история с Египтом, он сказал спокойно: «Пустяки. Два—три залпа, и от Насера ничего не останется. Мы уже посылаем войска на Кипр». Так что можешь спокойно готовиться к поездке на своей яхте. Правда, у нас тут шумят лейбористы, но я,— говорит Джон,— плевать на них хочу. Лишь бы, мол, не подкачали французские социалисты. Он уверен, что нас поддержат американские друзья.

Привет бедному Анри.
Твоя Мэри.

Письмо третье Из Нью-Йорка в Париж

Дорогая младшая сестричка!

Когда я получила твоё встревоженное письмо, я тоже взволновалась и за завтраком спросила Эдди, действительно ли вам угрожает разорение и неужели Америка допустит, чтобы какой-то коммунист Насер со своими туземцами мог помешать твоей увеселительной поездке.

— Ерунда,— сказал Эдди,— пусть французы и англичане повоюют немного. Это не беда. Напиши Жанне, чтобы она посоветовала Анри скорее продать мне акции Суэцкой компании. Французы — плохие коммерсанты. Их дело — танцевать и воевать. А добывать и перевозить нефть придётся нам, американцам!

— Однако, Эдди, ты забываешь, что я француженка по крови,— сказала я.— Я не могу смотреть хладнокровно, как мои французы будут проливать кровь, а вы...

Эдди сказал:

— Пора забыть о том, что ты француженка по крови. Ты американка по нефти. Пусть англичане даже закроют Суэцкий канал, мы будем снабжать Европу американской нефтью. Неплохой бизнес.

Дорогая Жанна, я не понимаю ничего в политике и не вмешиваюсь в дела Эдди. Но мне кажется, что он прав. Уговори Анри продать акции, и ты получишь не одну яхту, а целый флот.

Не беспокойся, детка, всё уладится.

Лиззи.

Письмо четвёртое Из Парижа в Лондон

Дорогая Мэри, пересылаю тебе письмо Лиззи. Прочти. Я показала его Анри, и он произнёс такие слова, которых я не могу повторить. Он кричал, что Эдди — старая акула, что он хуже всякого Насера и давно хочет нас ограбить. Но потом он пришёл в себя и сказал: в конце концов, Англия и Франция обойдутся без помощи дяди Сэма, лишь бы он не мешал.

Анри очень доволен лидерами наших социалистов. Говорит, что они не хуже ваших консерваторов. С такими социалистами, говорит он мне, мы в два счёта прогоним Насера, и ты получишь свою яхту.

Дорогая Мэри, не пиши Лиззи в Нью-Йорк о том, что говорил Анри об Эдди. Анри ведь просто погорячился. Будем надеяться, что всё это быстро кончится. Вчера я молилась богу, чтобы он наказал этого страшного коммуниста Насера. Он, наверно, русский. Пусть съедят его крокодилы.

Письмо пятое Из Лондона в Париж

Милая Жанна, я восхищена твоими социалистами. Я до сих пор была сторонницей консерваторов, но теперь подумываю о том, чтобы стать социалисткой. Правда, наши социалисты — лейбористы — ведут себя иначе. Может, это потому, что они не у власти? Не знаю.

Оказалось, что наши просчитались. Они говорили, что покончат с Насером в два счёта, а теперь идёт уже чуть ли не десятый счёт, а Насер держится.

Пусть тебя не смущает Эдди. Он говорит одно, а делает другое. Джон объяснил мне, что это и есть политика. США, сказал он, всегда таскают каштаны из огня чужими руками.

Но мы тоже сами с усами. Я не совсем понимаю, что это значит: ведь у него давно нет усов. Во всяком случае, не беспокойся, детка.
Твоя Мэри.

Письмо шестое Из Парижа в Нью-Йорк

Дорогая Лиззи!

Ты меня успокаиваешь, я верю тебе, но дела идут всё хуже. Я не понимаю, что это происходит во всём мире, почему твой Эдди и другие терпят такое безобразие. Вчера я была на большом приёме у Ротшильдов. Там говорили, что коммунисты подняли шум, будто в Египте наши убивают стариков и маленьких детей. Даже выходит так, будто всё заварилось из-за моей яхты. Я ничего не понимаю. Это какая-то дерзкая шутка. Правда, один академик из Сорбонны всё разъяснил. Он сказал, что египтян и других цветных людей развелось слишком много и от этого нищета. Войны, говорил он, нужны и полезны. Он мне сказал:

— Мадам, не волнуйтесь. Конечно, дело не в вашей яхте. Причины кровопролития более серьёзные. Во всяком случае, огромные прибыли нефтяных королей обогащают нашу западную культуру. А вы, как нефтяная принцесса, украшаете наше общество.

Словом, очень мило. И вообще эти академики очень любезны. Но Анри мрачен. Не скрою, он ругает ваших генералов и адмиралов. Я ему сказала: «А наши?» Он говорит: «Наши заняты в Алжире». Я спрашиваю: «А как в Алжире?» Он рассердился и говорит: «Не лезь в политику, если ничего не понимаешь».

Поздравь меня. Я записалась в партию французских социалистов. Мэри тоже писала, что хочет стать социалисткой. Это теперь у нас, в нашем свете, очень модно.

Твоя Жанна.

Письмо седьмое Из Лондона в Нью-Йорк

Милая Лиззи!

Ты, конечно, уже всё знаешь. Это ужасно. Огонь в Египте прекращён. Я получила от Жанн отчаянное письмо. Бедная девочка — её мечты разрушены. Неужели твой Эдди ничего не может сделать? Я так верила в наших консерваторов! А некоторые из них уже бегут из правительства. Ах, если бы у нас в кабинете были такие социалисты, как ваши! Дорогая, напиши Жанне и успокой её.

Целую нежно. Мэри.

Письмо восьмое Из Нью-Йорка в Париж

Дорогая Жанетта!

Ты напрасно убиваешься. Ещё не всё потеряно. И смешно, когда ты, глупенькая, думаешь, что вся война произошла из-за твоей яхты. Выбрось такие мысли из своей головки. Мой Эдди долго смеялся, когда я ему об этом сказала. Он получил письмо от твоего Анри. Эдди настроен уверенно и обещает подарить тебе роскошную реактивную яхту. Он говорит, что немножко заработает на всей этой истории в Египте. Я, конечно, верю этому, хотя в последнее время Эдди часто ошибается. Всё-таки Насер остался в Египте. Поверь, однако, что бы ни произошло, Эдди не оставит вас. Он добр к бедным родственникам. И я не допущу, чтобы моя маленькая Жанетта нуждалась.

Целую тебя, крошка.

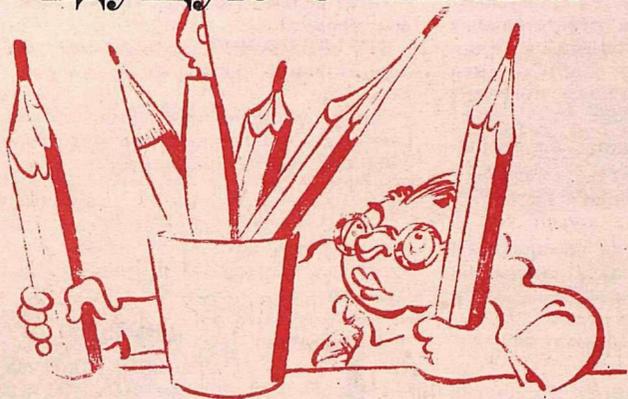
Твоя Лиззи.

(Переписка продолжается.)

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Он обожает критику, идущую с низов...

Это надобно понимать,
Как критику зажимать!
Иной её зажимает грубо,
Навалится,
как медведь.
Ну, а другой зажмёт так,
что любо-

Дорого
посмотреть...

Он перестал быть грозным,
Как только
грянул гром,
Притих
под перекрёстным
Критическим огнём.

Уж он не смотрит строго,
Он обещает,
кается,
Улыбчиво,
растроганно
[Как здесь и полагается...]:

— Ой, верно!
Ой, как правильно!
Всю правду-матку чую,
Возьмусь за дело пламенно
И горы сворочу я!

Ну, нет,
не слыл я нытиком,
Всегда вставал на зов,
И о-бо-жа-ю
критику,
Идущую с низов!..

Ошибочки не эти ли
Опутали меня!
Вы правильно подметили,
Отметили,
Наметили,
И с завтрашнего дня...

Но самокритик скоро
Обрёл покой душе,
Засев за частоколом
Цветных
Карандашей.

Где ж
пылкость «обожания»!
Где ж сладость речи той!
Увы, все обещания
Ещё на заседании
Он проглотил
С водой!..

В. П. Заскокин в первые дни после назначения на руководящий пост...

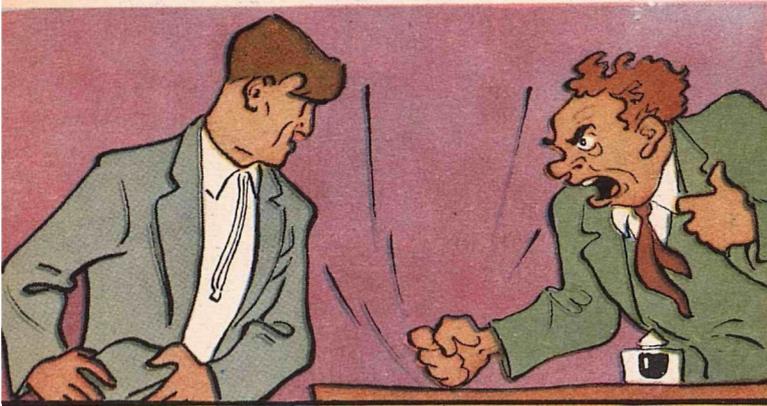
... и год спустя.

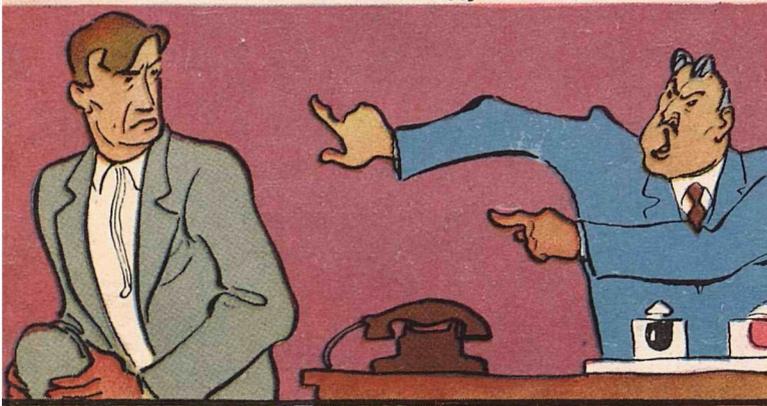
— А теперь несколько критических замечаний в адрес дирекции...

— Подумаешь, какой критик нашёлся!

— Много о себе думаете!

— Вы увольняйтесь по собственному желанию!

— Ну, почему же никто не хочет выступать!..

Несмышлёныши

Маленьким детям свойственно шалить, а взрослым дядям — читать нравоучения. Если крохотный шалунишка забирается в кабинет к дяде и делает кораблики из ответственных деловых бумаг, — это очень плохо, и дядя вправе надрать уши озорнику. Добрый дядя ограничится тем, что добродушно погрозит пальцем: «Эх ты, несмышлёныш!»

Педагоги, впрочем, утверждают, что излишнее добродушие по отношению к несмышлёнышам вредно, так как оно толкает шалунов на дальнейшие проказы.

Теперь, оригинальности ради, представим себе, что события обернулись изнанкой: взрослые дяди вошли в комнаты, предназначенные для совсем маленьких детей, и вытеснили детские кораблики папками для деловых бумаг...

В Свердловском районе города Казани на Спартаковской улице каждый может наблюдать нечто подобное. Все дяди, сидящие здесь за столами в кабинетах, кажутся очень большими, почти великанами. В действительности они самые обычные люди. Величественному впечатлению способствуют подоконники, еле возвышающиеся над полом, миниатюрные двери...

Нет, это не сказка. Это могло стать сказкой для казанских детишек. В 1940 году архитекторы спланировали здание специально для детских яслей. Строители заботливо его соорудили. А потом сюда пришли взрослые дяди, расставили непомерно большие столы, повесили красивую вывеску на входных дверях, и с яслями было покончено. За пылью архивных времён сейчас уже трудно определить, кто именно проявил эту «инициативу», но, видимо, никто не надрал инициатору уши и даже не пригрозил пальцем.

Работники Казанского горно пригласили нас провести один час в их служебном кабинете, утверждая, что никакие тома отчётов и цифровых данных не убедят нас лучше.

В коридорах горно мы увидели женщин с детьми. Им не на кого было оставить дома ребят, когда они отправлялись на работу. И они пришли сюда, так сказать, с вещественным доказательством на руках.

Мы узнали, что в то время, как работники Свердловского райкома партии заседают в помещении, построенном для детских яслей, в одном только Свердловском районе около пятисот матерей мечтают о помещении своих ребятёшек в ясли и детские сады.

Работники горисполкома считают ясли чем-то несерьёзным и не стоящим внимания. Их можно безнаказанно занимать под больницы, как это сделано в Кировском и Ленинском районах Казани. Если не хватает помещений под школы или детдома, зачем ломать себе голову над вопросом, где их взять? Чего проще ликвидировать парочку детских садов или яслей и рапортовать о том, что помещения найдены!

Жителям Казани предстоят радостные дни. Вскоре здесь разольётся большая Волга. Создаются железобетонные дамбы, строится новый порт. Все ожидают этого дня с нетерпением. Все, кроме несмышлёнышей. Их и здесь ухитрились обидеть. Из зоны затопления в верхнюю часть Казани переносятся не только жилые дома и предприятия, но даже курятники и свинарники. Не предусмотрено лишь перенесение детских садов.

Недавно работницам областной конторы «Заготзерно» предложили забрать детей из детского сада № 66, так как он ликвидируется «в связи с затоплением».

Матери побежали к инспектору горно тов. Ливановой, а тов. Ливанова помчалась к управляющему областной конторой.

Между инспектором и управляющим произошёл примерно такой разговор:

ИНСПЕКТОР. Здравствуйте, тов. Ватажников. УПРАВЛЯЮЩИЙ. До свидания. Я спешу на совещание в Совет Министров.

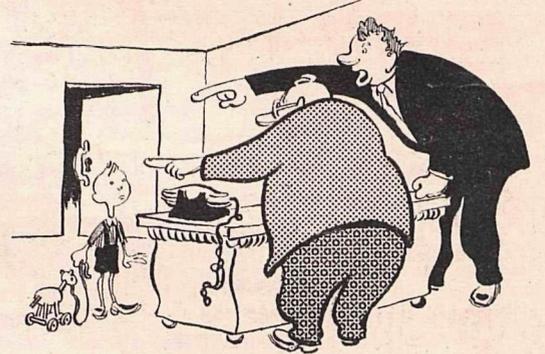
ИНСПЕКТОР. Одну минутку. Вы переносите на новое место все объекты своей конторы. Почему же вы ликвидируете детсад?

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Почему, к примеру, я не могу его ликвидировать?

ИНСПЕКТОР. Потому, что это вам не подведомственно!

УПРАВЛЯЮЩИЙ. А если это мне не подведомственно, зачем же вы ко мне обращаетесь?

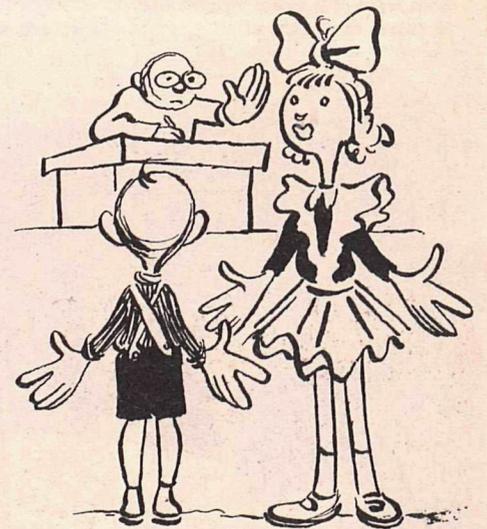
Засим управляющий проследовал на совещание в Совет Министров республики, а детский сад был ликвидирован.

Документы свидетельствуют, что тов. Ватажников не одинок в городе Казани. За девятнадцать лет горно получило только один новый детский сад. А по разным уважительным и неуважительным причинам были закрыты десять детских садов.

10:11 Не слишком ли большой счёт в пользу смыхлёных бюрократов и чиновников? А ведь, не согласуясь ни с какими сводками и отчётами, казанские женщины рожают детей. Прирост населения увеличивается с каждым годом. Закон обязывает во всех новых домах, в которых жилая площадь превышает 1 500 квадратных метров, не менее пяти процентов выделять для детских садов.

Но ведомства, строящие дома, с этим законом не согласны, они обходят его как только могут, ни одной пяди они не уступают несмышлёнышам.

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Увы! Казанские карапузы не могут надрать уши великовозрастным озорникам. К сожалению, они не могут до них дотянуться. Но кто знает, может быть, оставаясь наедине, они кивают в сторону великовозрастных дядей: мол, что с них возьмёшь? Несмышлёныши.

Н. ЛАБКОВСКИЙ,

специальный корреспондент Крокодила,
г. Казань.

Дорогой Крокодил!

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Н. С. ТИХОНОВ

К 60-летию со дня рождения

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Весёлые, задорные ребята пионеры города Фурманова! С таким же пылом и рвением, как и сверстники их по всей стране, наши пионеры учатся, играют, изобретают,— словом, стараются не терять ни минуты времени.

Только вот на призыв «Приходите в городской Дом пионеров!» они вместо бодрого «Всегда готовы!» отвечают унылым молчанием. Ибо Дом пионеров—это только название. А де-факто это не дом, а подвал.

Не знаем, что помещалось в этом подвале раньше. Возможно, овощехранилище. Без сколько-нибудь серьёзных капитальных затрат здесь можно было бы соорудить отличный холодильник, ведь в комнатах температура, как и подобает быть в подвале.

Не удивительно, что помещение, в котором можно находиться только в верхней одежде, пионеры посещают неохотно.

А строительства нового здания для Дома пионеров не предвидится. Кое-что, впрочем, сделано: воздвигнута стена. Стена равнодушных работников местных организаций и Министерства просвещения к нуждам пионеров.

В. БАБИКОВ,

редактор газеты «Новая жизнь».

г. Фурманов.
Ивановская область.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Ценным качеством обладают работники Управления учёта и распределения жилплощади Моссовета: умеют признавать свои ошибки.

Живём мы в бараке, принадлежащем электромеханическому заводу, но сами на этом заводе не работаем. Сейчас наш барак пришёл в ветхость и вот-вот прикажет долго жить. Печи не топят, стены осыпаются. Потолок прогнулся, как гамак, и сквозь него проникают всевозможные осадки. Завод ремонтировать барак не хочет, потому что мы не его работники, а райисполком наше жилище не ремонтирует, так как барак ведомственный...

Именно на этой почве мы и познакомились с указанным выше управлением. Через пять лет после принятия Моссоветом решения о нашем переселении нас заверили, что мы получим наконец комнаты в новом доме по Велозаводской улице. Но... через некоторое время проявилось то качество работников управления, о котором мы уже рассказали. Нам самокритично объявили, что ошиблись: нас переселять не будут. После жалобы в вышестоящие инстанции в управлении снова покаялись: мол, «ошиблись» — и пообещали переселить нас. И вот теперь работники управления в третий раз признают ошибку и снова отказываются переселять нас.

Если бы товарищи из Моссовета лично побывали в нашем бараке, они наверняка вынесли бы безошибочное решение!

Жильцы дома № 20-а, по улице Крюковка
Л. САФОНЦЕВА, Ю. МОРОЗОВ,
К. ХИТЯЕВ и др.

г. Москва.

Он полон юношеских сил.
Кочуя по различным странам,
Поэт с заветным чемоданом
Почти весь мир исколесил.

В нём бродит вдохновенья хмель.
Он сочиняет, знаем все мы,

Романы, очерки, поэмы,
Преследуя одну лишь цель.

И с этой целью неизменной
Кочует он по всей вселенной:
Давно и жизнь его и лира
Посвящены защите мира!

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ,
И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИАНОВ,
П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47. 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.
А 12740. Изд. № 1005. Подписано к печати 19/XI 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. Заказ № 3141. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

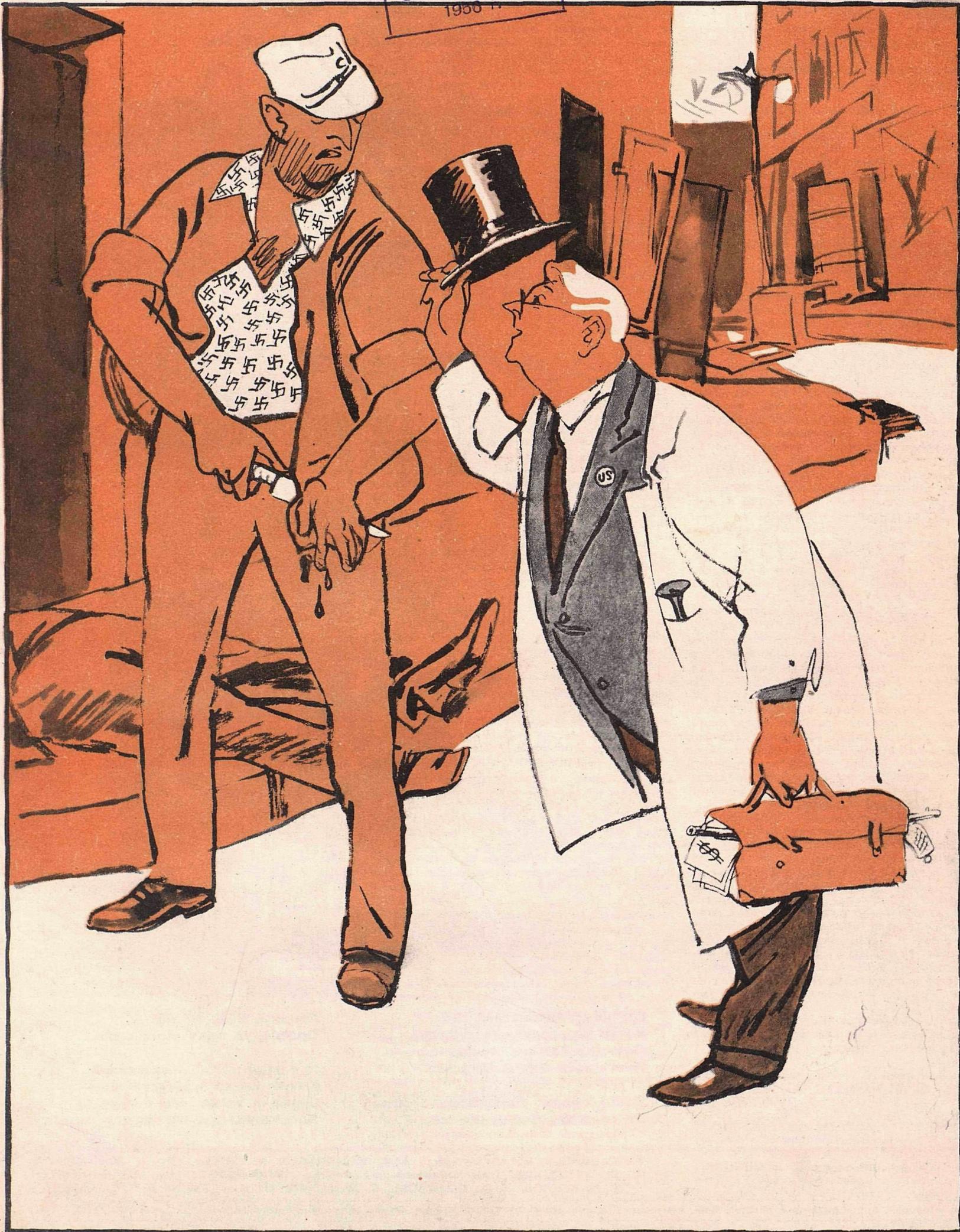
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1950 г.

Американские делегаты в ООН пытаются взять под свою защиту фашистско-хортистских бандитов, учинявших дикие расправы над патриотами во время контрреволюционного мятежа в Венгрии.

ЗАОКЕАНСКИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ: — Мой друг, не нуждается ли вы в помощи?